

Сергей Чегра Я иду искать

Tango Whiskyman
Москва 2018

УДК 82-1
ББК 84(2)

Предисловие – Данила Давыдов
Рисунок на обложке – Виген Аракелян
Дизайн и вёрстка – Светлана Дударчик

Чегра Сергей

Я иду искать / Предисловие Данилы Давыдова. —
Москва : «Белый Ветер», 2018. — 88 с. (Tango Whiskyman).

ISBN 978-5-906984-51-7

об авторе

Родился в 1980 году в Москве. В 1997 году поступил в МГТУ им. Н.Э. Баумана. В 1999-м покинул университет. В 2002 — 2004 гг. жил в Иркутске. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (2004 — 2011). С 2008 по 2016 г. единственный участник анархо-фашистской фракции Общества «Н-А-С-Ы-П-Ь» (Барботина, Луговик, Лукоянов, Лунин, Чегра). Основатель «свободной труппы человеконенавистничества» (струч). С 2001 года под разными именами публиковался в различных российских журналах и альманахах. Тексты переводились на английский и украинский языки. Автор книги стихов «Обратная перспектива» (2011).

Московский поэт Сергей Чегра не слишком много публиковался и известен преимущественно в кругу друзей. При этом среди поэтов своего поколения, то есть тех, кто начинал писать в конце 90-х — начале 00-х, Чегра фигура совершенно с «лица необщим выраженьем». Конечно, и так называемое «поколение тридцатилетних» не тождественно внутри себя, даже напротив, но всё же по причине весьма нетривиальной судьбы (более гибелью грозившей, чем многим старшим или младшим поэтам) и уникальной ситуации 1990-х у его представителей находятся схожие черты. Это время задало ту мерцающую координатную сетку свободы (в числе прочего и художественной), которая впоследствии проявилась в стремительно разрастающихся сетевых горизонтальных связях, хотя до того проступала скорее в пространстве тотальности личного выбора — выбора не только и не столько литературного, сколько антропологического. В письме Чегры проявились черты очень различные, могущие показаться если не противоположными друг другу, то уж явно — друг другу внешне.

Явственный след в его стихах оставила культура авангарда. Так как авангард авангарду рознь (бывает и послевоенный «приручённый» авангард, который часто нейтрализуется префиксами «пост-» или «нео-» и претендует лишь на отграничение некоего условно-левого фланга в искусстве), то корни стоит искать в истинном, «диком» авангарде начала XX века, и в творчестве тех, кто в послесталинский период оказывается ему конгениален — то есть в стихах Ксении Некрасовой, а не Семёна Кирсанова, Сергея Кулле, а не Андрея Вознесенского.

Авангард есть искусство «по краям» контекстов, принципиальный взлом цепных структур не только традиции, но и «легального новаторства». Сергей Чегра принадлежит именно к этой области внесистемной работы с текстом и даже идёт дальше: его задача — преодоление не только внешне заданных эстетических установок, но

и самого субъекта речи, а также присущих ему способов познания мира в его удобопредставимых и классифицируемых формах. Жизнетворческая установка субъекта письма у Чегры, само устройство его стихотворений на самых разных уровнях, заставляют вспомнить такие максимально радикальные фигуры исторического авангарда, как Тихон Чурилин (с его трансгрессивным поэтическим субъектом), ранний Борис Поплавский (с его холодной провокационной «антиэлегантностью»), обэриуты (даже не исключая и раннего Заболоцкого, с которым у Чегры есть интонационные переключки и некоторый общий элемент натурфилософского мирозерцания), отчасти — Кручёных, Ильязд или Игорь Терентьев.

Оборотной стороной присущих авангарду тотальной дегуманизации и эсхатологизации письма предстают примитивы и примитивисты (бывшие во многом и творческой подосновой исторического авангардного движения). Не случайно Сергей Чегра ведёт активную работу в Московском музее русского лубка и наивного искусства, и это не просто место службы, но, кажется, факт глубочайшей внутренней связи с этим модусом творчества. Поэтический примитив Чегры оказывается не стилизацией, но и не механизмом сублимации, не способом художественного опроценства. Перед нами следующий этап деконструкции субъекта: разъятый авангардными практиками, он вновь соединяется в пространстве «искреннего» и «подлинного», которое выступает альтернативой «хорошему вкусу» (или, переводя на язык подлинности, — репрессивному механизму производителей культурной нормы).

Здесь же можно различить явственный отзвук того, что делали функциональные наследники «проклятых поэтов» или «диких авангардистов» — представители панк-культуры, начиная с Егора Летова и менее известных сибирских панков вроде «Передвижных Хиросим», и заканчивая Театром Яда.

Но все эти контексты нужны здесь именно как контексты, не более. Подчеркнём: Сергей Чегра в большей степени, чем многие, — поэт личного выбора. Выбор этот — в избегании принадлежности к чему-либо определённому через те или иные культурные этикетки. Тексты Чегры никогда (или почти никогда) не восходят к какому-то одному жёстко очерченному историко-литературному вектору. Перед нами поэтическая критика самих этих векторов, которым иные авторы слишком сильно и, так сказать, неререфлексивно следуют, поэтическая критика речевого субъекта, совмещённая с трансформацией «прямого высказывания». Конечно, перед нами утопия, вполне осознанная, трагическая утопия, подобная голому слову футуризма или отсутствию культурного следа в примитиве. Воля к заведомо обречённому утопическому опыту и выбор этой утопии делают стихи Сергея Чегры особенно значимыми.

Данила Давыдов

раз

горькие ягоды

так застывает море и густеет время
так падает на землю луч
и можно уж его измерить
и распилить...

так высыхает чашка реет чайка
и мы стоим и сохнем на ветру

и только ты упрямишься высоко-о-окий
и нежилой маяк
вот так
а так вот магазин
и вывеска его не светится и не видна
и нас не отвлекает
всё старое и покосилось и ушло
но только там мы покупаем сушки
мы покупали сушки
чтобы через них
как через трубочку
тянуть чаёк
но чайник — ёк
и чашка высохла

так вымирает море
и чёрное и море голубое
друг в друге отражаться утомившись
а мы поедем мы поедем на любое
из них
и будем на камнях резвиться

поехали. резвились. и глядели
на стёртый горизонт где в самом деле
два этих моря становясь одно
в своём слиянии утрачивают дно
и мир скруглённый кружится сверкая
и нам не надо никакого рая
а только бы вернуться в этот
тот

горькие ягоды

кустарник обходит камень
и странен его наклон
он будто уснул и тает
и можно смотреть сквозь сон
как длится бескрайний воздух
и охраняет двух
детишек сидящих возле
не говорящих вслух
таких же как ты случайных
таких же как ты ничьих
но всё что тебя печалит
ещё не коснулось их

воробей

воробей подходит ко мне
берёт у меня часть булки
и говорит:
я был сегодня весь день
и завтра буду весь день
и может быть послезавтра
ты ещё приходи
ты главное ещё приходи
ты главное будь послезавтра
ты главное будь после после
хорошо?
я киваю
стараясь не показать
что дыхание прервалось
достаю сигарету
и размяв у фильтра
зажигая её
хотя бы на пару секунд
закрывая лицо
уверенными руками

mare tranquillum

*обнажённые и худые
изображения жизни
человеческие жидкости
человеческие сосуды и полости
поверхности и текстуры*

.....

дура какая я дура

приходи ко мне называть ласточек
называть вымышленных детей
забывать потери
считать петли
войди или отвяжись
то есть конечно входи
то есть

проходи и ложись
и лежи
ничто другое

думаешь время проходит?
нет — я его останавливаю
и смотри: это время покоя
масса покоя
море покоя
целое море покоя
возраст — кончается
не отчаивайся
отключайся
и спи
долго спи

* * *

ты где пропадад, где пропадад?
я совсем пропал
и замерло солнце и полдень стоит как пан
на выпасе замер рассеянный скот
и свет
медленно
застит
всё

телец

сложный глиняный телец
голый и подобный богу
встал на согнутую руку
и звучал:

куда глядят
твои жёлтые глаза
твои медные глаза
твои бедные усталые закрытые глаза

а куда глядят твои
одинаковые уши
и куда куда глядит
твой единственный пупок
твой невидимый пупок

в эту даль большую даль
в невесомую долину
в распростёртые ладони
в глиняную всю длину
в дом и лавку на углу
они глядят куда-то вдаль
большую памятную даль
во всю свою глиняную длину

а куда глядят твои
сумасшедшие рога
твои страшные рога
твои бедные кривые обречённые рога

они глядят в даль
в мутную повёрнутую даль
в полоумную долину
в ладони и всю длину
в дом на юру
они глядят в сомнительную даль
распростёртую глиняную долину
во всю свою телесную длину

сонет

я жил среди прямоугольников, кругов
на горьком воздухе — в пыли травы щемящей —
и кончиками остреньких рогов
подбрасывал легко футбольный мячик

во мне бродила рысь и матовая речь
я гриб таинственный и рыбу вёл из леса
я помню многое чем можно пренебречь
я видел то что многим неизвестно

над головой моей бежал серьёзный зверь
парила девочка под левою лопаткой
и впитанный костями тихий змей
не ослаблял ни на мгновенье хватку.

но странствие спускается к распадку
и подступает к сердцу море дней

mare album

баланс белого
отступление в сторону
остановка
сгущение материала
все приключения закончились
далее неразборчиво

.....

.....

.....

.....

НИКТО НЕ ВИНОВАТ
все осуждены

.....

.....

.....

остаётся одна или две собаки

стоит камышум большой камышум
далёкий как сон далёкий как сон
тревожный сухой камышум

и древо скрипит просторно скрипит
смурное как сыч смурное как сыч
неловкое древо скрипит

и коршун стоит печатью стоит
вонзённый как шип вонзённый как шип
в разомкнутом небе стоит

и долгий угод протяжный угод
прощальный как соль прощальный как соль
незримо бытует угод

тут ветхий казак трухлявый казак
предельный как ночь предельный как ночь
лежит растворимый казак

отец

сутулые плечи ещё крепки
ещё настойчивы позвонки
редеет волос растёт пробор
и тело вчитывается в приговор

но в утреннем воздухе золотом
отец шагает в стальном пальто
и держит за руку как никто
не будет держать потом

деанимация

невыносимо и отдельно
скрипело трудное светило
сухое голое светило
бесформенно валялся снег

фигура тёмная шагала
сквозь бедный растворимый воздух
сквозь медленный зернистый воздух
шагала птица человек

кусты стояли как мгновенья
невольно бегала собака
однообразная собака
в посредственный вникала снег

фигура долгая шагала
туда где смутные качели
твердели крупные качели
мерцала птица человек

* * *

недолго памятен холм недолго
и начинка этого пирога
недолго и жар а куст
игра вся из дней имён и чёрточек и надоела
и любая игра надоела
и другая игра
быстро быстро на хну и нору и оттуда
не дышат
пока их считают не ищут
пока светло
а за светом никто
а по горкам и кости ребячьи и вкривь
и речка соль снимает с них и тихо
и спи
а голова горит и тяжелеет
и всё болеет
и птицы не ласться а сидят гурьбой
покой покой покой
какой такой?
а так чтобы тепло и под водой
и вымоет из камня
и отнимет

над сложной зимбабвийскою зимой, следя
томленье льдов, труды, священный атом,
химический состав зверья — тягучий строй, —
пернатый негр с огнедышащей главой летит.
под ним задуманные горы ритм хвостатый
ведут, под ним — слоистый край
лесов, расклад, влюблённый мир — сквозной, случайный,
бесстрастный ток земли, дробящий город смрад,
расколота тьма — здесь спят
последний миг ровесники
и видят сон друг друга,
на электрических невидимых ногах
колеблются почтовые сосуды,
несущие в себе животный вой —
бессвязный ворох фраз и образов. обратно
с распавшейся дымящей головой
восходит в долгий остывающий покой
пернатый

* * *

...агапова большая голова
лежала как суровая сова
и взглядом двигала небесные светила

два

*под звенящим
горлышком небес*

какая скучная тропа
какая скучная тропа
мы шли по ней как шантрапа
и день таки настал
и все сидят такие нежные подсвеченные пьют
и птички ангельские певчие
и птички смолкнувшие девочки
и птички дымными колечками
и всякие другие птички
и мыслимый ли кто стоит на сахарной горе
в простой весенней курточке
и прижимает дудочку
к безжалостной губе

* * *

правильная необходимая кукушка
скажи
как пройти к круглосуточному магазину
с водкой пивом и вином
всё в дом
всё в дом

* * *

и если б можно было попрощаться
и если б можно было попрощаться
то это дерево бы попрощалось
а ты бы его обнял?
обняла?

собака бежит собака
она бежит пока собака
пока собака пока

но мы не любим собак
мы не любим громких бездомных собак
и громких домашних собак
особенно сторожевых и больших бойцовых собак
не любим мускулистых собак
особенно мелких визгливых собак
породы собак
собак
но однажды мы видели как собака жалеет собаку
и мы прониклись оставленностью живого
мы прониклись любовью живых
сиротливым неявным объятием

любим ли мы кошек? нет мы не любим
нам нравятся кошки
кошка безумная тварь нам нравится безумие кошки
мы уважаем ряд кошки
макет кошки
картонная птица кошка нравится нам
у неё преимущественно четыре ноги
меховой и смутный зверь
шерстяное кошачье недоразумение
нам нравится кошка за то что она наблюдает
внимательно следит
кошка в полнейшем мудром недоумении созерцает
о нет кошки ни черта не понимают
совершенно ничего не могут понять
у них слишком маленькая голова

а почему мы всё время говорим мы?
это потому что мы стоим поодаль
мы стоим на определённом
и непреодолимом расстоянии
в разные времена

на скалистом берегу морском
одинёшеньки в степи трескучей
в нудной глухой степи
в едущих по рельсам и камням
в стоящих на развилках
на развилках и во дворах
в нескольких мгновениях
среди толпы среди стен среди событий летящих
в сиротливом неявном объятии
в полнейшем недоумении наблюдаем
держимся любовью живых
и ничего не можем понять

так сложно музыку уметь!
наставив скрипочку в изгиб
подружка женечка в окне смычок не держит
а я стою и упражненья позабыв
к уроку фортепяно не иду
грибами пахнет — в городе! грибами! —
земля после дождя, асфальт разбит
и узкий перешеек между школ дрожит
и от лучей беспечных вдруг сверкает

бог смерти человека ну скажи
как это потерять? зачем утратить?
она в окне и голову склонив
устало, медленно — прекрасно —
руку опускает
и вздох
и из такого далека!

.....

.....

1.

каждый входящий в поток
думает: вот мой садок
вот мой судок
вот мой сачок
вот я ещё
весь
ещё в потоке
ещё здесь
но вода уже знает другое

2.

ты, дерево, никакой не свидетель
мимо идут старики и дети
говоря о своих лесах
и что ты знаешь стоя впотьмах?
но потом тебя вскрыет умственный человек
и обнаружит на срезе и хлеб
и пепел
детей
стариков и детей
и ты будешь свидетель
тому
что здесь ходили старики и дети
и более ничему

3.

я не могу войти
я могу быть — рядом
совершенным
беспозвоночным гадом
думает этот поток
думает это дерево...
а что думает тот
кто перепрыгивает
и это дерево
и этот поток?
он думает что ещё половину пути
ему осталось пройти

милые тёмные волны

где же ты дебаркадер
где твои бубенцы
милый мой дебаркадер
милые бубенцы
уж мы тут отцы

уж мы отцы
уж мы готовы
звени последний зов
звени без слов
о волны волны
они оцепенели
они оковы
они охватили нас
они закипели наконец

стриженные русские головы
под солнцем в зените
под полуденным солнцем дрожащим
печные песчаные головы
в фуражках и без
под высоким тонким горлышком
ласковых небес
неласковых небес
под высоким тонким горлышком
желток глотаешь целиком
а мальчик мальчик маленький
следит за кадыком
широко раскрыв глаза
откуда-то со стороны
откуда-то со стороны
с безветренной стороны
идёт
дереза

* * *

шприц заряженный кислородом
от кислорода болит голова
лопаются сосуды
наступает кома
знакомая умерла
знакомая родила
знакомая незнакома
обернусь вокруг себя
я обернусь вокруг себя
я простыня
я простыня
никакая не святыня
позвонили среди дня
позвонили среди дня
говорят простыня
ты говорят простыня
как не причитать
кому причитается

нетрудно беглому письму
нетрудно беглому письму
ещё три раза повтори
ещё и повторись
боже ты мой боже боже
боже ты мой
ещё три раза повтори
как же муторно ввечеру
вот мы с братом на яру
сидели
он посидел-посидел
а я посидел и прыгнул
охватила вода
охватила вода
под заготзерно вода охватила

* * *

птенец подлетел и истаял,
как иисус,
как малиновый привкус.

корсары,
не этого ли хотели от нас и вы,
когда перебирали слова на -оть:
дѣготь, похоть, щепоть?

но мы уже прыгнули за борт,
и теперь ничьи,
морькины,
акульи или других берегов,
куда нас вынесет и расстелет
невинной палью прибой.

в сезон дождей и атмосферных рыбок
болит маленькое сердце
болит большое
сутулый голубь стоит один в углу
и видит предсмертных мух
и урны не горят
и даже урны
мы все вернулись в свои города
с пластиковыми календариками
на которых изображена родина смерть
на которых изображён суд гринча
на которых изображено происхождение системы
вернулись в свои города
в сезон дождей и очевидных препятствий

в один из таких сезонов
шака зулу поднялся в космос на глиняном вертолёте
и заплакал от удивления

* * *

...наденем ветхие сандалии
в лесу есть ветка осетра
качели и печалии
так отчего ж не погулять нам в камерном лесу
не помолиться ветреному колесу
не погладить незнакомую птицу
не тронуть усы жука
приятно же когда удивлена рука

.....

.....

девочка, поющая во сне,
в сказке можно покататься на окне

три

смешанный триптих

I. би-ба-бо

перекошенное детство, деревянные мозги,
смертоносные игрушки
мы не видели ни зги, мы не видели ни зги
врушки
всё-то мы видели и всё-то мы знали
никогда не береглись никогда не берегли
но северный ветер отстоял нас
это не воспоминания
это не игра кто первый перестанет петь
это я здесь (я здесь)
написал звезду и рыбу
на аспидной доске а милая —
должна стереть.
теперь
смотреть на всех
парящих и отставших
идти смотреть
идти идти и видеть
как все они отчаянно прекрасны
как хороши и трогательны как
искажены
любовь не милосердствует
...
...
это неплохо. это неплохо

II. 3/2

там, где должно быть тело, — цвет
маленькая певица требует перевода:
я свод, — говорит, — я жестокий овод, расклад.

а он глядит на её рот
и думает: ты пьяный сброд,
анахроничные серп и молот,
но я до смерти опьянён
водкой, тобой, тошным воздухом,

шумом о девяти раздвоенных головах,
заевшей машиной, перешивающей город,
этим столом, этим крепким стеклом,
этим — крутым раствором.

и меня мутит.

но я скоро покину тебя, — думает он, — скоро.

лишь ты не уйдёшь,
ты единственный, кто не уйдёт, — вдруг говорит она.
а мысли её далеко-далеко, далеко — за разговором, —
они лежат,
как сокровища на камнях,
вылупившиеся из моря,
сокровища юных девушек и детей,
разбирающих берег — *ну же, вода, иди!* —
чтобы потом забыть
и бросить его
и потерять.

ну хорошо, на секунду дыхание задержи
— —

: он единственный кто не уйдёт
когда всё здесь утратит форму

III. noise

боже, кто
надо делать ужасные вещи
эта музыка — гниющее дерево
и он топится в ней
и она — толпится
я представляю это как сгущение божества
как бабушку
как велосипед «орлёнок»
как внезапное желание обнять
на шаге через лужу

боже, надо делать ужасные вещи
он говорил ей: ну что, пойдём?
нет, — отвечала она, —

мы ничего этого делать не будем.
и они продолжали колебаться в распадающемся гнезде.
поэтому ужасные вещи
пришли сами.

боже, я
эта музыка перемещается
словно дождевой столб
дорога шагает как остолоп
как было предсказано
её «потерять страх»
настало утратой всех
и теперь она своё тело
видит как прах
и он — берёт верх

я представляю это как меру
как *смешение местоимений*
от них — выступает озноб
и обнимает на шаге
боже, вот

заданный триптих

I. окрестность

воздух утра:

гори гори неясно тлей
песчаный муравей идущий
тлей сорванный с небес орёл
тлей запонка упавшая в котёл морей
пыли цикута
на булочке с подсушенным кунжутом
на облачке сохатом
на костыле горбатом
эй,
изотоп ребёнка,
эзопов лоб громадный — тело дрянь!
гори немного, тлей, грей пелену
иди
беги
не ведай
иди ко дну

ребёнок спящий:

паря парю идя иду
не глядя
несу волшебную уду
несу утешную дуду
и ерунду тетради
я маленький ловец
охотник и стервец
паяц и заяц
эй,
муравей,
хватай меня за палец!
орёл, не рей
в котёл морей не падай запонка и камень
остановись у самых волн
вода — болей!
иду тебя искать
иду в тебя смотреть
иду в тебя

ребёнок бегущий:

не слышу я не слышу
я горячий
я мальчик девочка
я настоящий я ненастоящий
ох как сверкает
ох как всё
прыть прыть

текущий ребёнок:

во всей своей длине протягиваю глину ног
затапливаю луг
плесканьем рук
живот прозрачный
ох голова бульон первозверей
гремят соцветия медуз
звенят лопатки ос
какая прорва
какое царствие всего!

спящий старик:

пф пф
приподнимаю ткань
хъх хъх
лежу
ън ън
черствею
мне снится воинство детей
мне снится пыточное тело
песчаный муравей лицо одолевает
перебегая времени бугры
хухры-мухры
орава

тяжёлая рыба:

эй, пст, водомерка беглая кума
я тьма
тебя я съем потом
но говори. что там творится над мостом?
там голоса идут в глухую реку

там изгибается на лестнице орёл
наш котелок волнуется — зацвёл
я пыль губами раздвигаю
я съем тебя меня не обмануть не объегорить
говори!

говорящая водомерка:

ты кумушка на камушек застывший поднимись
ты барышня на камушек застрявший в воздухе
не бойся влезь
ты хладнокровная сударыня на камушек летящий встань
и посмотри:
мерцающий ребёнок воевать идёт
старик убитый спит накрытый смертью
а ты в своей воде кипишь
я бегаю как вестник на цепи
и сообщаю всем сосудам несмышлёным
зачем они
ты — короб для меня
ребёнок многократный — дну и миру. ловец, игрун,
пачкун, глаза глаза
старик — снопам, стропилам и углам. сова и призрак
он послушанье завершил
он переполнен
мост — берегам
песчаный муравей — врагам
орёл — по лестнице небесной перегрелся
котёл — горит и это отражает
а камень — тот, который над тобой застыл,
над головой твоей рыбачьей, — разрушает
и ты уже
принадлежишь ему

II. механика

персоль и алкоголь смещают зренье
снегирь и праведник пестрят
алголь смущает
глагол звучащий это не вмещает
нестройною рукой сапожник печь тачает
склоняется состав

сустав крепчает
такой механикой нелепой длится дух

проснись!
рождение близко
участь далеко
пора колядовать олеговать
и яшкаться со всем случайным миром
вот это маслице для ясных гнёзд
колёса мест
игральный кубик невесомый
лицо чудес

о, раненый стакан не огранённый,
порадуйся со мной!
орех земной
невечный
огонь рассыпчатый больной увечный
неведомый олег иероним иаков
незнаемый индус индей инаков
на всякого да снизойдёт пресветлый час
рождения
участия
творенья

III. весна

неприменно будет весна
это песенка обещала
вода отойдёт ото дна
и поднимет эскадру несметного хлама
война!

на правом фланге контр-пробка
на левом — старше по званию — проба пера воробьиного
лейб-лейкопластырь, обер-панцирь жука,
вице-орех — рыцарь, экс-ириска,
эрцлист, мертвец, майн херц
армада павших
на бой, на бой!

гляди: улитка!
весна!

всё — прению, всё — шуму
гуди земля, журчите дети
кусайся пёс, катайся
греми костями солнечный скелет
переворот
юное входит в город
и старый мир гниёт

эта игра недолго
этот штурм не всегда
вода быстро проходит, улитка, майн херц, беда

говорят, что саркома сердца бывает редко;
ну да, ну да:
непременно будет весна
и это нам песенка обещала
и вода отойдёт ото дна...
«никогда, никогда!» —
за левым плечом
девочка закричала.

разрушенный триптих

I.

книга памяти.

книга, желающая раскрыться всеми страницами,

сгорает от нетерпения

её содержание — прах

гремит телега телефон звонит вагоны едут

электронная минута меняет положение,

падая чуть правее

так же как через время падает моё существо — ...

в это мгновение я отмечаю руки.

праздник мёрзнущих рук.

кожа сжимается, становится хуже, плотнее

на тропе не устоять, этого слишком много

колени уже метит в отдалённый асфальт,

взрывающийся под фонарями и глупым неоновым

неестественным жёлтым дрожащим вокруг

шипящим городом

и зрение прощается

мы оплакиваем друг друга

ещё не зная окончательного расставания, но зная:

этот момент вот-вот настанет.

гремит телегой ватный красный человек

неполный свет

рассеянно стоит...

...неполный смех...

...и смех и свет. всё — в прах.

.....

описание не спасает, список не льстит

II.

...родное облако густеет:

ты не палый солдат, а впалый подросток и супостат.

ты — не уткнувшись носом в наши короткие кроткие

сутулые сильные слабые плечи —

ты вдребезги приехал как на побывку дезертир

со своим длинным плечом архимеда

в примеры крепко запертых дверей.

беглец, ты не вернулся.
ты вместо себя укроп иссоп степные травы
они не пахнут морем и бедой.

так обвинение поёт.

.....

ничто не поёт, — говорит впалый солдат,
неизвестный солдат,
не понимая, что этот язык — уже позабыт.
никто не спросил о главном, а я отвечаю:
я не вернулся,
потому что ушедшие на войну не возвращаются.

III.

я подношу

я

подношу...

...к своим чужим подслеповатым глазам

(зрение, мы попрощались), но —

будет ещё

.....

.....

.....

обратно,

в пекло надёжного боя

четыре

шум

идём идём в смертельный шум
скорей идём в смертельный шум
смертельный шум
ужасный шум
идём в смертельный шум

наверняка нам смерть близка
наверняка наверняка
какая тёплая рука
какая нежная рука
наверняка наверняка
идём в смертельный шум

пойдём подышим за углом
пойдём возляжем под столом
пойдём покурим в потолок
идём в смертельный шум

наверняка там ждёт река
какая сонная рука
какая слабая рука
идём в смертельный шум

идём идём скорей идём
идём идём на шум

бывает.

такое — находит
всё играть перебором
на все стороны дышать перегаром
и стоя под приговором
улыбаться перед ударом
в самое сердце
после удара
в самое сердце

.

после удара — идти легко и спина пряма
и руке тепло
и рука — тепла
над восставшим против пространства домом
поднимаются
невозможные облака
день укачивает
день — кончается
не прощаясь
не сказав «пока» —
будто и не расстались,

...

вне автора

«мы идём на красный свет,
потому что смерти нет», —
говорила мне одна девочка.

перейдём. на зелёный

* * *

ток пристальных зверей —
коньяк мышьяк —
беги живое
сердце безжалостных и жадных стук
цок-цок внимательных копытец
они искать идут
динь-динь весёлых страшных рожек
сверкание невыносимых ножек
какую ослепительную тьму
они несут
беги
идёт распахнутое море
по твой сосуд

на небе свитки облаков
на небе слитки облаков
и крылышки жука
ни три ни два и ни одно
ни одного крыла

во мраке мышь не шебуршит
во мраке роцца не шуршит
и сыч смежил глаза
ни три ни два ни одного
совсем смежил глаза

надутой ночью воздух нем
совиный воздух глух и нем
и звук неразличим
ни три ни два и ни один
для звука нет причин

но кто свидетели во мгле
и кто стоит в набухшей мгле
устойчивых минут
ни трёх ни двух и ни одной
во мгле где нет минут

и лишь теперь понятно им
и вовсе не понятно им
что бог не три звезды
ни три ни две и ни одна
бог ни одной звезды

* * *

пейте пейте тонкий шум
пейте грейте слабый шум
слабый шум прозрачный шум
поселяйте в каждый ум
головастые карманы
набивайте прахом сна
засыпайте око дна
мы же словно истуканы
словно птицы великаны
будем ночь ходить с сачком
за невидимым сверчком

солнечный взгляд прекратится на матовой грозди
великолепный исход мимолётное зрение будет расколото
дальше всё то же любовь и табачное крошево
дальше диагноз румянец холодное яблоко
песенка губ утыкается в каменный лоб
крутится купол и в нём запекается тромб

серая ветка вопьётся под замкнутый праздник
хрупче стекла раскачавшийся голос проверка на сжатие
дальше всё то же свобода приморье и около
тощий бродяга глазеет в зыбучее зеркало
линия рук повторяет и сходится в круг
режется угол и в нём неподвижен паук

* * *

я едва не сказал камень. я едва не сказал море.
дерево, я едва ли не ты.

я едва шевелю ногами. я едва шевелю усами.
колёсами. я почти не шевелюсь.

я почти не двигаю носом. я почти не двигаю ртом.
дом, мой дом, я почти не двигаюсь.

я почти не верчу шеей. я почти не кручу пальцем.
я почти не шуршу.

я почти ничего не слышу. я почти ничего не вижу.

я почти не шум. почти не шум.

я чуть-чуть не разбился оземь.

я чуть-чуть не плеснул, не прыснул.

я чуть-чуть сова. чуть-чуть воробей.

живые отвлекаются на смерть как и положено живым
предметом потревожены тупым
и разговор не болтовня теперь, не вор, но память
и алкоголь не леденец — мизерикорд
его стекло не греет пищевод
а сердце рвёт
и горло жжёт и веки разжижает
какой ты овод, смерть, какой ты мерзкий повод
рыдать и говорить
но говорим
из темноты своей когда немеют губы
из немоты своей когда темнеет мир
пока из гроба нам сквозит эфир
пока его края не затянуло

* * *

замкнуть. замкнуться. запечатать уста. отдать пальцы.
отделить их добровольно. пресечь текст. сжечь.

не строить планов. не начинать большого дела.
не видеть ничего перед собой.

обрушиться вовнутрь. опасность. ждать только одного.

ждать волны. ждать поднимающейся тёмной воды.
только одного ждать.

ПЯТЬ

я иду искать

пролог

1.

и если человек
и если человек
и если человек — текст
то его надо сжечь
после прочтения
перед прочтением
сжечь
сжечь человека
сжечь сжечь человека
сжечь — человека

2.

и этот человек не я
и этот человек не я
и этот человек не я
и этот человек не я
и этот человек не я
и этот человек не я
один человек меня понимал
но и он теперь не понимает
и этот человек не я
и этот человек не я
и этот человек не я

вот паршивая дитятя
родилася ты некстати
трудно будет тебе жити
сложно помирати
на уроке лепки ты из пластилина
вылепишь детально дохлого павлина
дохлую собачку
неживую кошку
и себя немножко
и себя немножко
на уроке пенья все поют в забвенье
про армию красивую что грозно от тайги
до морей британских до морей индейских
до морей заморских топчет сапоги
на уроке пенья загрустишь ты крепко
и захочешь снова на уроки лепки
там хамелеона можно налепить
дохлого такого с мёртвой мухой в пасти
прочие опасности
всякие напасти
дохлую собачку
неживую кошку
и себя немножко
и себя немножко

* * *

девочки любили девочек
а мальчики любили смерть
а я
хотел быть девочкой
и не хотел взрослеть

* * *

исполнен разрушительный обет:
огонь из слабых рук роняет чашку,
и чашка превращается в предмет.
сухой удар. всё гибнет в настоящем.

такие бешеные игры не игра —
игрок взрывается, и судьи цепенеют.
произнеси со мной заветные слова:
лети, лети, жестокое мгновенье.

нам не обнять измученный огонь,
глядящий из стекла на наши тени.
все проиграли. домик нулевой
бредёт один по улице предельной.

пастырь пастырь пастырь
будешь ли ты ходить по кругу карусели
деревянной лошадкой будешь?
будешь ли ты соблюдать этот пост
пост этот во всей строгости соблюдать будешь ли
будешь?

буду буду буду
и из помыслов своих скверну квадрата и куба
изрину
отрину изрину прочь
прочь прочь ломаные соблазны
и прямые мерзости угла и опасного жала
стану лошадка по кругу бежала
смирренная кляча по кругу бежала
кляча древесная стану
во всей строгости своего тела.

пастырь пастырь пастырь
становись поднимайся хороший пастырь на круги своя
замкни замкни замкни тело вращения
телом покатым строгим своим
готовым телом своим
смирненным своим принявшим служение телом.

хорошо хорошо хорошо
иду поднимаюсь телом своим на круги и плавные линии
на замкнутую свою стезю восстаю хорошо
хорошо подхожу к яме и выемке
во все нужные ямы и выемки встаю достаточно хорошо
хорошо ладно правильно очень хорошо.

* * *

мы подбросим солнечные игрушки
кубики и маленькие дощечки
и они ослабнут и останутся над головой
под облаком крупных деталей мы пойдём по тропе
пока она не исчезнет
дикие травы растут и без нас
мы постоим среди них
 чтобы они недолго росли вместе с нами
мы обнаружим потерянного крота
вздутое тихое тело
небольшого зверька
и недолго мы погрустим о его кончине
забыв о любезной форели
забыв о свином ребре и горячем растворе
мы оставим дикие травы
которые растут и без нас
не оборвав их самостоятельной речи
не обидев
потому что надо же хоть кого-то не обидеть
чтобы идти дальше по исчезнувшей из-под ног тропе

строго живут весенние сёстры
милости и злости — всего
нежности

.резко двигаться и мерцать
не отвести взгляд не отвести взгляд

.стоять и высоко — одна в темноте — волнами от неё —
одна в темноте волнами
так в темноте стоять

в темноте. вместе.

.всю себя объятиям своим — повсюду руки руки мои.
руки везде. мои чужие. её.
господи, рукам отдать себя. им. им.
имени моего где — нет.
так грустно.

с каменными лицами
за каменными лицами
отчего не смеяться?

запечатлеть
запомнить
запечатлеть

два из семи

2.

дурак ты дурак тёмный вторник больших городов
ты четверг отдалённых и маленьких хижин
ты неделя лицом к стене
ты неделя пешком в лесу
на краю которого
один потерянный день

3.

мама смотри я на велосипеде
я птичка пёстрая без рук я птичка
другие мальчики взойдут увянут и опять взойдут
песочница летящие качели обнимет
и они не упадут
дома с домами наглядятся
их окна потекут
на небе яблоко созреет
пока я весело качу
пока доеду

дистанция сокращается
дистанция увеличивается
дистанция сокращается
дистанция увеличивается
это гусеница. это не гусеница
это виадук. это не виадук
это на проводах. это не провода
это будильники
продают
старые будильники
продают
старые будильники
не покупают
это сапожная мастерская
это касса. это не осень
это дистанция
сокращается
это дистанция
увеличивается
увеличивается
увеличивается
увеличивается
увеличивается

* * *

это легко
думать о том как душно
там у себя внутри в заводном гробу
снаружи рельсы и рельсы терпят товарняки
вставлены в грунт за гульбу подробные знаки
содраны спины булыжников скорчен двор
в тёмном чулане застукан сгорает вор
как истукан спалился — теперь води
всякого за руку на проливном пути
гроб на колёсиках дикую девочку серый луч
тех кто идёт совершенно без сил идти

...и кто бы посмотрел, как сонечко в оркестре
с серьёзным выражением лица, гобоем, платьем,
дирижёром
расстраивает тонкую себя

.....

.....

и кто бы посмотрел, как изгибаются в палестре
готовые на всё

на всё на всё тела тела тела

любовь любовь со взглядом отрешённым

серёжка разноцветная большая пальцы кольца
(звенит)

— хочу уничтожить. — хочу прознать. —

— хочу... а хочешь я станцюю и закричу?

— хочу...

чтоб кто-то за спиной

чтоб кто-то за спиной и незнакомый

вошёл

и придушил меня.

вот так.

не ты. вот так. не ты. ты пта,

и я тебя — узнаю.

* * *

пустые панцири цветных лет
без права это остановить
воображаем красивые формы сосудов
на ладони маленькая лягушка
прыгает, разбивается
быстро
навсегда
без надежды это остановить
нам так на берегу
нам так на склоне
нам на траве
и даже не обнявшись
а уткнувшись
без сил остановить
при ветхом свете
вдруг не узнаём
чью руку

ВОТ ... И ТОЧЕН

И ЧТО?

СПАСИБО ЧТО ВОСЕМЬ

.....

СПАСИБО ЧТО НОЖЕВЫХ

БЫЛО СМЕШНО

БЫЛО ТАК ЧТО РЕКА ТЕКЛА

.....

ТЕНЬ МЕДЛЕННО ПАДАЛА ПОКА НЕ ЛЕГЛА

СОЗВЕЗДИЕ ЛЁГКИХ

.....

КРАТНО

СВОДИМО

БЕЗВРЕМЕННЫЕ ОБЪЯТИЯ

УБИВАЮЩЕМУ МЕНЯ

.....

* * *

на всё на всё найдётся свой догадливый
на всё на всё найдётся свой смекалистый
и тот и тот
и бог тот да не тот
и тот кто букву ё на дух не переносит
а только вес — с одной ноги на другую
но каждому постаменту — да, кувалду, да, смерть.
каждой гранитной башке — петлю
каждому из нас бы свой непонятливый
но глаз не смыкающий
не отводящий
свой ангел за руку ведущий
рук на всех нет

правила стохастической фотографии

первое правило стохастической фотографии:

ничего не бойся, ничего не будет

второе правило стохастической фотографии:

радость и ослепление

третье правило стохастической фотографии:

всё убивает

четвёртое правило стохастической фотографии:

убивай

пятое правило стохастической фотографии:

молитесь, кто умеет

шестое правило стохастической фотографии:

нет никакой стохастической фотографии

седьмое правило стохастической фотографии:

всё стало всем

восьмое правило стохастической фотографии:

немилосердная любовь

девятое правило стохастической фотографии:

не останавливайся

куда ты превращаешься?
вокруг скорое цветение
ожидание пчёл пчёл
ж-ж
шум

в липовый куст
солнечный позвоночник
(падает и звенит
никто его не винит)

бутылка брошена в липовый куст
а с ней записка:
доброе пиво, бархатное
градусы, старые традиции
на кусте кормушка как трапеция

бутылка брошена в липовый куст
а в ней записка пусто-пусто

туда и превращаюсь
к возлюбленной змее
приму землю
прими землю
иди и смотри

.....

милая змея
греми греми в свою погремушку
моя уж совсем отгремела

уходила змея из-под липова куста
упускала змея свой норх...

* * *

перед смертью мальчик иннокентий
превращается в горбатую плясунью
и в недоумении все дети
и в недоумении все дети
иннокентия по памяти рисуют:
руки мошки
ноги можжевельник
рыбка острая горит над головою
и в груди как в самом тёмном море
самый слабый кружится кораблик
маленький качается кораблик

* * *

впервые я дал попробовать своё тело
половину жизни назад
вкусивший его лёг на мою слабеющую руку
и смотрел на меня моими ясными глазами
внутри тело имеет слои —
 тонкий, белый, красный и чёрный
за чёрным наступает конец
тело красиво растворяется в воде
и вода становится красивой
такой, что её хочется поцеловать
как девочку-подростка
в этот бы момент закрыть глаза

раскрыты сухими звёздами в снег
в концентрированный прах
легли остановились рухнули остановились
замри — замерли
не шевелись — дрожали
не ангелы не расцепляя рук все песни про них рухнули
магниевоы девочки легли не расцепили рук
намагниченные
намертво на мгновение
встали вошли в мгновение
кончилось
не останавливается
мгновение
кончилось не останавливается

дом скручивается в тор
двор скручивается в о розу о археоптерикс о рак
не расцепляя рук раскрытые звёздами смеются
становятся старше
страшнее становится страшнее
ещё страшнее
страшно становится темно старше
тоньше и уже до тошноты
сухие руки сухие пауки сухие ногти
сухой кашель сухой звук
сухой смех сухая ветвь сухие глаза сухие глаза
сухой рот сухие руки сухие глаза сухие пауки
сухие ногти сухой звук
сухой лист сухой корпус
салют

все разговоры интересны все песни раскрываются
песчаными звёздами
поцелуй в поисках крови
внутренней крови внутренний поцелуй внутренний
ветер
внутренний безразлично-удивлённый: ах вот оно как там
как-то не так как я думал

как-то совсем не так
как-то совсем.
кто бы взял за руку и увёл?
кого бы взять за руку и пойти?
кто рядом? дай руку. дай руку.

...ночью стекло раскрывается в остывающий воздух
ночью стекло троллейбуса изгибается отражает
передвижное стекло
не пропускает свет там никого нет
ни внутри ни снаружи.
кто я тот кто говорит там
кто я тот кто говорит: там
ктоя тотктоговорит там
ктоя тотктоговорит там
ктоя тотктоговорит там
ктоя тотктоговорит там
только за спиной
сухими бумажками скрипя
сухими руками потирая
в волосы ды- ...

шать? шат ша шат ша ша-а

тогда ржавая голова медленно открывает глаза
медленно открывает рот
раскрывается сухими осыпающимися крыльями
не говорит не издаёт звука
ни малейшего звука медленно
поворачивается без звука
без воздуха без расцеплённых рук
расцепленных на мгновение
постоянно раскрывается
всё её лицо цветёт

всё цветёт

ИСПЫТЫВАТЬ ТО,
ЧТО ИСПЫТЫВАЕТ ПОТОК —
КАМЕНЬ, ГЛИНУ,
ПЕСОК
ОБНАЖЁННУЮ СПИНУ
ТЕЛЕСНЫЙ УДАР
ТОНУЩЕЕ В ТЕБЕ КОЛЕСО
ТОНУЩЕЕ В ТЕБЕ,
ГИБКУЮ СИЛУ
УПРЯМУЮ РУКУ РЫБУ
ПОЦЕЛУЙ ДЕЛАЮЩЕГО ГЛОТОК
ИСЧЕРПЫВАЮЩИЙ КОТЕЛОК
ПАДЕНИЕ В КОТЛОВИНУ

Книги поэтического издательства Tango Whiskyman:

TW-01 Денис Крюков «Сдавленные громы»

TW-02 Екатерина Соколова «Вид»

TW-03 Виген Аракелян «В клюве и звуке»

TW-04 Андрей Черкасов «Домашнее хозяйство: избранное из двух колонок»

TW-05 Ольга Виноградова «Цена деления»

TW-06 Алексей Родионов «Колыбельная темноты»

TW-07 Вадим Банников «Необходимая борьба и чистота»

TW-08 Сергей Чегра «Я иду искать»

*подписано в печать 25.04.2018
формат 60x90/16. Усл. п. л. 4,75
гарнитура Wergmit
Бумага офсетная. Заказ № 599
Тираж 150 экз.*

*типография «Белый Ветер»
115054, г. Москва, ул. Щипок, 28
8 (495) 651-84-56
wwprint.ru*